

ВОЕННОЕ КЕЙНСИАНИЗМ В КОНЦЕПЦИЯХ ДОЛГОСРОЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена исследованию теоретико-методологических аспектов военного предпринимательства государства в концепциях долгосрочных экономических циклов. Оригинальность научного подхода заключается в попытке обосновать правомерность включения военного кейнсианства в модели вековых циклов и полувековых К-циклов.

Материалы и методы. Научная гипотеза об обусловленности внешних и внутренних угроз экономической безопасности России сочетанием объективных факторов циклической динамики конъюнктуры и субъективных факторов государственной политики позволяет исследовать военно-политические и социально-хозяйственные проблемы с применением методологии миросистемного анализа, концепций государственного предпринимательства и долгосрочных экономических циклов.

Результаты. Показано, что деятельность государства-гегемона США в рамках векового цикла накопления капитала определяла фундаментальные процессы современной мировой экономики, формировала условия реализации К-цикла. Длинноволновые колебания конъюнктуры российской экономики были сопряжены с циклической динамикой мирового хозяйства. Для полупериферийной российской модели государственного предпринимательства были характерны «маятниковые» движения в рамках К-циклов. На повышательных волнах наблюдалось приближение России к центру мировой экономики, на понижательных волнах происходило скатывание ее к периферии.

Выводы. Датировка фаз и временных параметров экономических циклов, определение тенденций социально-политического развития осуществимы на основе экономических показателей и «знаковых» политических событий. Эскалация международной напряженности наблюдалась в переломные периоды между фазами К-цикла: от нисходящей к восходящей и наоборот. Обострение противоречий интересов макроэкономических субъектов при смене фаз вековых циклов и К-циклов мирохозяйственной конъюнктуры объясняет часть сегодняшних трудностей российской экономики ужесточением международной конкуренции, проявлением ее конфликтных форм: санкций, экономической блокады, торговых и денежно-финансовых войн, открытых военных действий. Государственную программу перевооружения российской армии следует рассматривать как долгосрочный мегапроект, создающий предпосылки для восходящей фазы К-цикла.

Ключевые слова: экономические циклы, миросистемный анализ, государственное предпринимательство, военное кейнсианство.

G. A. Cheremisinov, I. O. Pugachyov

MILITARY KEYNESIANISM IN CONCEPTIONS OF LONG-TERM ECONOMIC CYCLES

Abstract.

Background. The article is devoted to theoretical and methodological aspects of the military business of the state in concepts of long-term economic cycles. The ori-

ginality of the scientific approach is to try to justify the legitimacy of inclusion of military Keynesianism in the model of secular cycles and half-century cycles.

Materials and methods. The scientific hypothesis about conditionality of external and internal threats to economic security of Russia by a combination of objective factors of cyclic dynamics of the situation and subjective factors of the state policy allows to explore the military, political and socio-economic problems with the application of the methodology of Microsystem analysis, concepts of government entrepreneurship and long-term economic cycles.

Results. Based on the submitted scientific hypotheses it is shown the activities of USA being a hegemonic state determined the basis processes of the contemporary world economy and formed the conditions of K-cycle actualizing within a secular cycle of capital accumulation. Long-wave fluctuations of the Russian economic conjuncture were connected with the cycling dynamic of the world economy. "Floating" motions within the K-cycles were typical for the semi-peripheral Russian model of government entrepreneurship. On the buoyant waves there was observed the Russian approaching to the center of the world economy and its recession to the periphery on the bearish waves.

Conclusions. Phase dating and time characteristics of economic cycles, determination of the social-political tendencies of developing are feasible in the base of economic activities and "indicative" political events. The international escalation intensity was observed in the critical times within the K-cycles' phases: from descending to ascending and vice versa. Opposition intensification of the macroeconomic subjects' interests within the secular and K-cycle phases' changings of the world-economy conjuncture explains a part of nowadays difficulties in the Russian economy by the toughening of the international competition and its conflict forms demonstration: sanctions, embargo, monetary and commercial wars, and open warfare. The government rearmament program of the Russian army should be considered as a long-term megaproject, creating precondition for the buoyant K-cycle phase.

Key words: economic cycles, world-system analysis, government entrepreneurship, military keynesianism.

Изучение цикличности воздействия государственной власти на экономическую конъюнктуру и обратного влияния макроэкономической динамики на государственное управление и хозяйствование имеет теоретико-методологическое и прикладное значение. Выдвижение тезиса об обусловленности угроз экономической безопасности России сочетанием объективных факторов циклической динамики конъюнктуры и субъективных факторов государственной политики – плодотворная научная гипотеза, позволяющая изучать военно-политические и социально-хозяйственные проблемы с применением методологии миросистемного анализа, концепций государственного предпринимательства и долгосрочных экономических циклов.

Актуальный доклад С. Ю. Глазьева «О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии» на заседании Научного совета Российской академии наук по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию был построен с использованием моделей долгосрочных циклов социально-экономического развития [1].

Внешние и внутренние угрозы экономической безопасности России, по мнению С. Ю. Глазьева, определяются сочетанием объективных и субъективных факторов. Объективно эскалация международной военно-политической напряженности обусловлена переживаемым глобальным кризисом –

закономерным проявлением длинных циклов экономической активности, известных как волны Кондратьева (К-циклы). В основе длинной волны, как считает ученый, лежит жизненный цикл технологического уклада (ТУ) – комплекса технологически сопряженных производств, составляющих вместе с соответствующими им институтами самовоспроизводящуюся целостность. Наряду со структурным кризисом мировой экономики, обусловленным сменой ТУ, происходит переход к новому вековому циклу накопления капитала. В такие периоды наблюдается резкая дестабилизация системы международных отношений, разрушение старого и формирование нового миропорядка, которое сопровождается мировыми войнами между старыми и новыми лидерами за доминирование на мировом рынке [1].

Внутренние субъективные факторы угроз безопасности нашей страны коренятся в стратегических ошибках проводимой российским правительством экономической политики, которые делают ее крайне зависимой от мировой конъюнктуры и зарубежного капитала. Внешние факторы антироссийской агрессии создает руководство США, негативно реагирующее на глобальную интеграцию независимых политико-экономических структур – БРИКС, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества, на инициативу формирования зоны торгового и гуманитарного сотрудничества между Европой и Азией (единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока) [1].

Стремление С. Ю. Глазьева развивать авторскую концепцию технологических укладов [2] в контексте обострения противоречий интересов макроэкономических субъектов при смене фаз циклической динамики мирохозяйственной конъюнктуры побуждает к обсуждению дискуссионных теоретических проблем долгосрочных экономических циклов.

Формирование экономической конъюнктуры зависит от государственного предпринимательства – деятельности, связанной с использованием казенной собственности и источников ее пополнения, направленной на расширение кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов. В сферу государственного предпринимательства входят непосредственное ведение хозяйственных дел (казенное производство товаров и услуг, торговые монополии, займы и субсидии, текущее поступление и расходование средств бюджета) и реализация функций государственного управления (организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей, регулирование режима внешнеэкономических связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы) [3, с. 31–32].

Суждения о предпринимательском поведении государства встречаются у исследователей мирохозяйственных проблем. Дж. Арриги рассматривал власть, собственность, богатство как компоненты предпринимательской (капиталистической) деятельности государственных структур (правительства), опираясь на тезис-тождество Т. Гоббса, согласно которому богатство – это сила, власть, и на высказывания М. Вебера о том, что национальные государства являются крупнейшими предпринимателями, конкурирующими за потоки капитала. Интенсивная межгосударственная борьба за мобильный капитал определяет отношения между капитализмом, индустриализмом и милитаризмом [4, с. 108, 121, 256]. Предпринимательство государственного аппарата направлено на максимизацию власти и контролируемых ресурсов (террито-

рии, богатства, населения). Богатство служит источником власти, а власть служит источником богатства.

Р. Бреннер показал, что во второй половине XX в. правительства США, Германии и Японии были главными действующими лицами всей системы конкурентной борьбы капиталистов друг против друга, внутри национальных экономик и на международном уровне [5, с. 105, 140, 152, 161–163, 313, 361]. Государственные структуры осуществляли функции предпринимателя-конкурента.

Специфику современного государства И. Валлерстайн объяснял эволюцией межгосударственной системы как надстройки капиталистического мира-экономики [6, с. 389]. Ученый указывал: «Каждая из государственных машин *ограничена* функционированием мировой экономики (и межгосударственной системы), необходимостью соблюдать определенные ограничения или же... быть готовым к определенным санкциям со стороны других государств (с целью изменить политический курс, границы или режим)» [6, с. 391].

Государства – это институты, созданные для выражения потребностей классовых сил (социальных групп) в масштабах мировой экономики. Они не являются ни суверенными, ни равными, навязывают друг другу ограничения на образ политических и военных действий, на возможности накопления капитала и перераспределения добавленной стоимости [6, с. 408–409].

В мировом хозяйстве складывается единое осевое разделение труда, и в межгосударственной системе формируются три структурные позиции – центр (сердцевина, ядро), периферия и полупериферия. В центре мира-экономики одна страна занимает лидирующее положение гегемона и способна устанавливать правила и добиваться удовлетворения своих интересов в экономической, политической, военной, дипломатической и культурной сферах [6, с. 41, 97].

Гегемония в мировом хозяйстве имеет долгосрочную историко-экономическую эволюцию и теоретически объясняется вековыми циклами (тенденциями) конъюнктуры и полувековыми К-циклами. Концепция вековых (системных) циклов накопления капитала, разработанная Дж. Арриги, представляет развитие капиталистической миросистемы как чередование фаз материальной и финансовой экспансии. На фазах материальной экспансии денежный капитал «приводит в движение» растущую массу товаров, включая рабочую силу и природные ресурсы; а на фазах финансовой экспансии (финансиализации) растущая масса денежного капитала «освобождается» от товарной формы и накопление осуществляется посредством финансовых сделок [7, с. 44].

Концепции вековых циклов связаны с периодической сменой мировой гегемонии [6, с. 95–107; 8, с. 13–84]. Первыми гегемонами в Европе были города-государства Генуя и Венеция. Их сменили Нидерланды, затем Великобритания и США. Соответственно, выделяются четыре вековых цикла мировых процессов накопления капитала: генуэзский цикл XV – начала XVI в., голландский цикл конца XVI – третьей четверти XVIII в., британский цикл второй половины XVIII – начала XX в. и американский цикл с конца XIX в. Последовательные системные циклы накопления пересекаются и делятся больше столетия: отсюда название «долгого века» [7, с. 45].

Дж. Арриги различал сигнальные кризисы гегемонии, которые могут быть разрешены, и терминальные кризисы, знаменующие конец гегемонии.

Государство может оставаться доминантным и после терминального кризиса его гегемонии [4, с. 169].

«Долгий двадцатый век» в понимании ученого состоит из трех сегментов. Первый длился от сигнального кризиса британского режима накопления в 1870-х гг. до его терминального кризиса до 1930-х гг. Второй завершился сигнальным кризисом американского режима, примерно в 1970 г. Третий сегмент продолжается в настоящее время [7, с. 283].

Признаки кризиса американской гегемонии появились в 1968–1973 гг. в военной сфере, финансах и идеологии. Армия США столкнулась с трудностями во Вьетнаме. Федеральная резервная система лишилась установленного в Бреттон-Вудсе способа производства и регулирования мировых денег. «Крестовый поход» против коммунизма начал терять легитимность [7, с. 380].

В середине 1970-х гг., по свидетельству Дж. Арриги, Америка вступила в фазу финансовой экспансии, основанной на вывозе капитала, нематериальном производстве, спекуляциях на валютных рынках и строительстве финансовых пирамид. США скатываются к господству без гегемонии на фоне перемещения центра мировой экономики в Восточную Азию, в Китай [4, с. 99].

Вековые циклы конъюнктуры формируются под воздействием военного государственного предпринимательства. По мнению Дж. Арриги, борьба между странами за контроль над мировыми ресурсами была неотъемлемой частью капиталистической конкуренции – движущей силы «бесконечного» накопления власти и капитала. Контроль над финансовыми ресурсами был решающим преимуществом европейцев в борьбе за прочие ресурсы, а гонка вооружений была главным источником бесконечных инноваций, непрерывно порождавших более масштабные пространственные конфигурации торговли и производства. Военную мощь обеспечивала индустриализация, поэтому результатом взаимодействия финансового капитализма, милитаризма и империализма стала промышленная революция [4, с. 302].

Коммерциализация войны и непрерывная гонка вооружений были характерной чертой западного пути развития капиталистического производства. Так называемое военное кейнсианство, когда за счет военных расходов государства увеличиваются доходы граждан, налоговые поступления и ресурсы финансирования новых военных расходов – старая политика. Развивая систему наемного труда в деле ведения войны и государственного строительства, уже итальянские города-государства практиковали военное кейнсианство, обращавшее часть их расходов на защиту в доходы, так что войны становились самокупаемыми [4, с. 296].

Ряд положений из исследований вековых циклов накопления капитала были использованы С. Ю. Глазьевым в докладе РАН, где есть прямая ссылка на книгу Дж. Арриги «Долгий XX век» [1]. Российский ученый интерпретирует историко-экономическую эволюцию на основе концепций вековых циклов и технологических укладов.

Переход к господству американских глобальных корпораций, по мнению С. Ю. Глазьева, происходил посредством развязывания трех мировых войн и установления гегемонии США. Первая мировая война разрушила монархический строй, сдерживавший экспансию национального капитала. После Второй мировой войны развалились колониальные империи, ограничивавшие международное движение капитала. В ходе третьей, «холодной»,

мировой войны США захватили глобальное лидерство за счет превосходства в развитии нового ТУ и монополии на эмиссию мировых денег, а с крахом СССР свободное движение капитала и хозяйствование транснациональных корпораций распространилось на весь мир [1].

Две мировые войны XX в. повлекли гигантский отток капиталов и умов из воюющих между собой европейских стран в Америку, способствуя ее экономическому подъему. «Холодная» война завершилась распадом мировой социалистической системы и дала США приток более триллиона долларов, сотен тысяч специалистов, 500 тонн высокообогащенного (оружейного) урана и других ценных материалов, множества уникальных технологий [1].

В настоящий период на волне роста нового ТУ вперед вырывается Китай и просматриваются контуры перехода от американского к азиатскому вековому циклу накопления капитала. США стремятся удержать лидерство за счет развертывания мировой войны с целью ослабления конкурентов и партнеров, добиваются стратегического преимущества в управлении поставками критически значимых природных ресурсов, доминирования в создании новых знаний и разработке передовых технологий [1].

Непосредственное присоединение концепции ТУ к концепции вековых циклов представляется спорным теоретико-методологическим приемом. Оно предполагает конкретизацию, логический переход к концепции К-циклов – механизму смены гегемонии в миросистемном анализе.

И. Валлерстайн утверждал, что, когда гегемония размывается и мир-экономика находится в нисходящей фазе К-цикла, «между лидирующими государствами начинается свалка» за раздел уменьшающегося прибавочного продукта, извлекаемого посредством неэквивалентного обмена, возникают побудительные мотивы к переструктурированию систем союзов [6, с. 106].

Ф. Бродель представлял вековую тенденцию (вековой тренд) в виде объединения трех циклов Кондратьева [8, с. 75–77]. Миросистемный анализ у французского ученого так же, как у И. Валлерстайна, опирался на сравнительно хорошо разработанную в экономической теории модель больших циклов [9, с. 289–292].

С. Ю. Глазьев выделил жизненные циклы пяти последовательно сменявших друг друга ТУ, лежащих в основе К-циклов: первый ТУ 1770–1830 гг. (текстильные машины); второй ТУ 1830–1880 гг. (паровой двигатель); третий ТУ 1880–1930 гг. (электродвигатель); четвертый ТУ 1930–1970 гг. (двигатель внутреннего сгорания); пятый ТУ 1970–2010 гг. (микроэлектроника). Ключевыми направлениями развития нового ТУ (2010–2040 гг.) видятся биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологии, галио- и ядерная энергетика, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы [1]. За два столетия, по мнению экономиста, период К-цикла сократился с 60 до 40 лет.

Вопросы о периодизации К-циклов и фазовом поле современной экономической конъюнктуры вызывают споры. Одна группа исследователей опирается на концепцию смены ТУ, на индикаторы реальной экономики: производственные показатели, динамику занятости, инвестиционную активность. Периодичность в их понимании такова: понижательная волна третьего цикла с 1914–1920 гг. (в США она началась позже – с 1929 г.) до 1936–1940 гг.; IV цикл: повышательная волна с 1936–1940 гг. до 1966–1971 гг., по-

нижательная волна с 1966–1971 гг. до 1980–1985 гг.; V цикл: повышательная волна с 1980–1985 гг. до 2000–2007 гг., понижительная волна с 2000–2007 гг. до, предположительно, 2015–2025 гг. (прогноз); VI цикл: повышательная волна с 2015–2025 гг. до 2035–2045 гг. (прогноз). По мере интенсификации научно-технического прогресса циклы уплотняются и сжимаются с 50–55 лет в XIX в. до 40–45 лет в XX в. [10].

Другая группа исследователей мирохозяйственных процессов и ряда макроэкономических показателей (нормы прибыли, реальной заработной платы, государственного бюджета) предлагает иную периодизацию: понижительная волна третьего цикла с 1914–1920 гг. до 1950-х гг.; IV цикл: повышательная волна с 1950-х гг. до 1980–1985 гг., понижительная волна с 1980–1985 гг. до 20?? гг. [10].

Датировка фаз и временных параметров экономических циклов, определение тенденций социально-политического развития осуществимы на основе экономических показателей и «знаковых» политических событий. Фундаментальные процессы современной мировой экономики определяла деятельность государства-гегемона. Динамика векового цикла накопления капитала формировала условия реализации К-цикла с временным лагом примерно в десять лет. Заключение в июле 1944 г. Бреттон-Вудского соглашения о реформировании мировой валютной системы создало предпосылки восстановления конвертируемости валют развитых стран и подписания в августе 1955 г. соглашения о Европейском валютном союзе. Ликвидация золотовалютного стандарта доллара в августе 1971 г. перевела вековой цикл накопления капитала в фазу финансовой экспансии США (посредством эмиссии доллара), а эволюцию мировой экономики – в стадию финансиализации, создала предпосылки «монетаристской контрреволюции» с максимумом учетной ставки ФРС в мае–ноябре 1981 г. – 14 % [11, с. 249].

Хронологические рамки современного К-цикла обозначаются периодом со второй половины 1950-х гг. по настоящее время. Подписание соглашения о Европейском валютном союзе положило начало восходящей фазе IV цикла; с 1958 г. резко ускорился рост мировой экономики. «Монетаристская контрреволюция» в 1979–1982 гг. стала знаковым событием надлома конъюнктуры восходящей фазы К-цикла и перехода его в понижительную фазу.

Завершение нынешнего цикла Кондратьева совпало с окончанием американского векового цикла накопления капитала, поэтому произошло депрессивное удлинение понижающейся конъюнктуры и «растягивание» нисходящей фазы К-цикла под воздействием государственного предпринимательства развитых стран.

Подчеркивая взаимосвязь серьезных технико-экономических перемен с эскалацией международной военно-политической напряженности на восходящей фазе К-цикла, С. Ю. Глазьев актуализирует две эмпирические правильности концепции больших циклов Н. Д. Кондратьева. Во-первых, перед началом повышательной волны каждого большого цикла наблюдаются глубокие изменения в условиях экономической жизни общества: значительные изменения техники (чему предшествуют значительные технические открытия и изобретения), вовлечение в мировые экономические связи новых стран, изменение денежного обращения. Во-вторых, на периоды повышательной волны каждого большого цикла приходится наибольшее количество социальных потрясений (войн и революций) [12, с. 225].

О возрастании военно-политической напряженности и рисков международных конфликтов в периоды глобальных технологических сдвигов на волне роста нового технологического уклада, о решающей роли военных расходов в развитии К-циклов, по мнению С. Ю. Глазьева, «свидетельствует трагический опыт двух предыдущих структурных кризисов мировой экономики» [1].

Великая депрессия 1930-х гг., обусловленная пределами роста ТУ «угля и стали», была преодолена милитаризацией и перестройкой отраслевой структуры экономики, началом Второй мировой войны. Лидерство США на длинной волне экономического подъема было обеспечено ростом оборонных заказов, освоением новых технологий и притоком иностранных капиталов при разрушении производственного потенциала конкурентов [1].

Прекращение роста очередного ТУ вызвало депрессию середины 1970-х – начала 1980-х гг., стимулировало гонку вооружений в космосе с использованием информационно-коммуникационных технологий. Из «холодной» войны, равновеликой Третьей мировой войне, страны НАТО вышли победителями и воспользовались ресурсами бывших социалистических стран, не сумевших своевременно освоить новый ТУ [1].

Причиной нынешнего глобального кризиса стала необходимость перехода к новому ТУ, ориентированному на здравоохранение, образование, науку. Но главным инструментом государственного стимулирования структурных преобразований экономики по-прежнему служит увеличение военных расходов. По логике длинных циклов современное обострение военно-политической напряженности должно расцениваться как появление признаков Четвертой мировой войны [1].

Некоторые вышеприведенные высказывания Дж. Арриги и С. Ю. Глазьева дискуссионны. Военные расходы СССР достигали 12 % ВВП [12, с. 84] и сдерживали экономический рост, но не они привели к поражению в холодной войне. Системное разрушение экономики («банкротство») нашей страны произошло в 1991 г., когда непокрытый дефицит государственного бюджета превысил 30 % ВВП [13, с. 40–41].

Хронологически не согласуются у С. Ю. Глазьева циклы смены ТУ и глобальных обострений военно-политической и социально-экономической конкуренции. Два жизненных цикла ТУ (максимум два с половиной К-цикла) за сто лет, по мнению автора, вместили четыре «мировые войны». Вероятно, эскалация международной напряженности наблюдалась в переломные периоды между фазами К-цикла: от нисходящей к восходящей и наоборот.

Вторую эмпирическую правильность концепции К-циклов следует уточнить, приняв во внимание содержание работы Н. Д. Кондратьева «Большие циклы». Войны и революционные потрясения в авторском перечне тяготеют, скорее, к переломным точкам, хронологически размещаются в пределах одного десятилетия от фазовых переходов больших циклов. Фактор военно-революционных потрясений используется при объяснении надлома повышательной волны и перехода к понижательной волне большого цикла [12, с. 203–204, 220].

Исторический опыт подтверждает правомерность включения военного кейнсианства в концепции вековых циклов и К-циклов. «Холодная» война, сдерживание советской угрозы и военное кейнсианство были основой амери-

канской гегемонии во второй половине XX в. Контроль над мировыми финансами и военной силой, как отмечает Дж. Арриги, позволил США осуществлять проект создания «военного государства всеобщего благоденствия» во всемирном масштабе в противопоставление советской системе коммунистических государств. Благодаря совместным действиям военного и социального кейнсианства в мировом масштабе удалось избежать послевоенного спада. Военное кейнсианство – огромные расходы на перевооружение США и их союзников, развертывание широчайшей сети военных баз запустило величайшую в истории капитализма экспансию. Спонсированное Соединенными Штатами распространение социального кейнсианства – правительственных программ полной занятости и роста массового потребления на Западе/Севере, «развития» мирового Юга – стимулировало экономический рост [4, с. 170–171].

Заключение Бреттон-Вудского соглашения, по мнению Р. Бреннера, обернулось неформальной сделкой, обеспечившей военно-экономическую гегемонию США. С одной стороны, доллар стал ключевой валютой и США получили возможность управлять крупным платежным балансом дефицитов и за счет этого содержать свои заокеанские военные базы, осуществлять финансовую поддержку зарубежных стран и прямых инвестиций своих корпораций за рубежом. С другой стороны, союзники и конкуренты Соединенных Штатов получили право контролировать доступ товаров и капиталов на американский внутренний рынок [5, с. 102].

Глобальная гегемония обусловила выбор «военно-кейнсианского» режима государственного предпринимательства в современном К-цикле. Послевоенная экономика США стала выдыхаться из-за взаимного снижения прибыльности и инвестиций. Колоссально увеличившиеся в 1950-е гг. затраты правительства (до 25 % ВВП), особенно военные расходы (около 10 % ВВП), поддержали экономический подъем Соединенных Штатов и мирового хозяйства. Военный спрос предоставил американским компаниям возможность инвестирования и извлечения прибылей на внутреннем рынке без конкурентной борьбы. Однако капиталовложения в оборонную промышленность несущественно повысили долгосрочную производительность экономики США [5, с. 121–122].

Государство использовало военный спрос как инструмент экономического роста и на нисходящей фазе К-цикла. Беспрецедентное наращивание государственного долга администрацией Рейгана в 1980-х гг. для финансирования милитаристских расходов было возвращением к масштабному военному кейнсианству, но уже без социальной составляющей. «Рейганомика» сменила режим социально ориентированного военного кейнсианства режимом корпоративно-бюрократического «военного кейнсианства для богатых» [5, с. 265].

Р. Бреннер констатировал, что после того как глава ФРС П. Волкер в соответствии с монетаристской доктриной резко оборвал кредит в 1979 г., запустились процессы долговой дефляции и отраслевой перетряски. Монетаризм «спасал» экономику США ценой ее разрушения. К лету 1982 г., после 18 месяцев ужесточения государственного кредита, американская экономика оказалась на грани краха: число банкротств и безработица достигли уровней Великой депрессии. Монетарные власти США возобновили накачку спроса и

расширение кредита. ФРС ослабила жесткий денежный режим, администрация президента начала широкомасштабную программу экономического стимулирования, что означало конец американского монетаристского эксперимента [5, с. 301].

Рейган, обещавший сбалансировать бюджет, запустил самый масштабный в мировой истории эксперимент по кейнсианскому дефицитному финансированию экономики. Беспрецедентный рост долгов всех типов – государственного, корпоративного и потребительского – не давал уровням загрузки мощностей и занятости опускаться. Оказалось, что монетаризм не мог быть внедрен без кейнсианства, которое поддерживало стабильность посредством смягчения и растягивания долгого спада экономики во времени [5, с. 301–302].

Монетаристская контрреволюция, укрепив доллар, остановила падение американской мощи, перенаправила громадные потоки мирового капитала в Соединенные Штаты. Из нетто-кредитора, главного источника мировой ликвидности и прямых зарубежных инвестиций в 1950–1960-е гг., США превратились в нетто-должника, главного мирового поглотителя ликвидности начиная с 1980-х гг. и до настоящего времени [4, с. 163, 164].

Стадия финансиализации векового цикла накопления капитала трансформировала механизм среднесрочных циклов, которые с 1980-х гг. протекали в форме создания и «схлопывания финансовых пузырей». Стратегию стимулирования спроса с помощью рынка акций и производимого им эффекта богатства со второй половины 1990-х гг. можно назвать «биржевым кейнсианством» или «спекулятивным кейнсианством» [5, с. 461].

Долгосрочное циклическое развитие мирового хозяйства позволяет объяснять часть сегодняшних трудностей российской экономики обострением международной конкуренции, проявлением ее конфликтных форм: санкций, экономической блокады, торговых и денежно-финансовых войн и даже открытых военных действий.

Проблемы ужесточения противоборства России в международной конкуренции восходят как минимум к временам революции октября 1917 г. Противостояние США и России (СССР) наблюдается на протяжении почти всего нынешнего векового цикла. Исключением было вынужденное экономическое сотрудничество с СССР в 1920–1930-е гг. американского бизнеса [17], ставшего за счет иностранного партнера поддерживать деловую активность. В частности, советские заказы на покупку тракторов в годы Великой депрессии оказались жизненно важными для американских производителей сельхозтехники [14, с. 228].

Неординарно определял роль России в истории XX в. с позиции миротехнических циклов гегемонии И. Валлерстайн. Ученый очерчивал хронологические рамки современной стадии развития мира-экономики историческим местом СССР, «коммунистической эпохой», началом которой считается Первая мировая война (1914 г.) и русская революция (1917 г.), а завершением – «коллапс коммунизма» в Центральной и Восточной Европе и распад СССР (1989–1991 гг.) [6, с. 51, 182, 371].

СССР в понимании автора всегда был частью и участником капиталистической мироэкономики. Желание улучшить место в международном хозяйстве определяло историю нашей державы: «Советский Союз до 1991 г. и Россия сегодня могут быть помещены в категорию полупериферийных госу-

дарств в капиталистической мироэкономике, причем их политическое влияние в очень большой степени основывалось на мощи их военного аппарата. Это, между прочим, было справедливо и для царской России. Россия/СССР пытались использовать эту политико-военную мощь для осовременивания тех видов деятельности, которые осуществлялись в зоне ее/его контроля, увеличивая таким образом уровень накопления капитала» [6, с. 14].

Полупериферийное положение государства, а не идеологическое противоборство предопределяло конфликтность отечественной истории. Стремление России усилить государственную машину, чтобы изменить структуру производства и место в мировом разделении труда, наталкивалось на сопротивление стран центра, особенно державы-гегемона. Жесткая конкуренция, непрекращающееся давление государств ядра экономическими, политическими, военными средствами дают основание рассматривать чрезвычайные кризисы и системные трансформации, происходившие в России, в виде закономерного сочетания внутренних и внешних причин и объективно обусловленного стечения обстоятельств [9, с. 335].

По мнению И. Валлерстайна, русская революция произошла в полупериферийной стране и привела к власти группу государственных управленцев, обративших вспять тенденцию соскальзывания державы к периферии. В конце Второй мировой войны Россия восстановила свое положение очень сильного члена полупериферийного сообщества и смогла начать бороться за обретение полноправного статуса в сердцевине [6, с. 51].

Комментируя применение «модели гонки вооружений» в соревновании Соединенных Штатов с СССР, Дж. Арриги указал на перенос средоточия власти к огромным государствам, способным иметь конкурентоспособные военно-промышленные комплексы. Мировой военный потенциал приобрел вид эффективной двухполярности, но политика устрашения ускоряла гонку вооружений. Мобилизация финансовых ресурсов, недоступных СССР, помогла США победить в «холодной» войне. Огромные зарубежные займы при Рейгане привели к резкому росту военных расходов и банкротству СССР [4, с. 164–165, 303–304].

Длинноволновые колебания конъюнктуры российской экономики были сопряжены с циклической динамикой мирового хозяйства. Для полупериферийной российской модели государственного предпринимательства были характерны «маятниковые» движения в рамках К-циклов. На повышательных волнах наблюдалось приближение России к центру мировой экономики, на понижательных волнах происходило скатывание ее к периферии.

Начало политики «перестройки» М. С. Горбачева было объективно обусловлено завершением восходящей фазы К-цикла директивно-плановой экономики СССР. Дальнейшие рыночные реформы изменили экономическую систему страны и модель государственного предпринимательства, низвели Россию к концу XX в. со статуса полупериферийной державы в статус представителя периферии мировой экономики.

Макроэкономическая динамика современной России формировалась под воздействием отечественного и зарубежного государственного предпринимательства. Колебания мировой конъюнктуры во многом определялись экономической политикой страны-гегемона: деятельностью ФРС и стратегией заимствования правительства США. Изменения макроэкономических

трендов мировой конъюнктуры и конъюнктуры отдельных стран складывались под влиянием курсовых соотношений доллара к резервным валютам и динамики покупательной способности доллара, выраженной в цене важнейших товаров фьючерсной фондовой торговли – нефти и золота.

Переход от хронических дефицитов к профицитам государственного бюджета с 2000 г. и образование Стабилизационного фонда в 2004 г. показывают тенденцию усиления позиций государства в отечественной экономике. Относительное уменьшение вывоза ресурсов (ренды) из страны можно интерпретировать как переход России к восстановлению статуса мощного полупериферийного государства. Но этот процесс протекает конфликтно, относительное ослабление позиций компрадорски ориентированного корпоративного бизнеса сопровождается абсолютным ростом контролируемых им ресурсов. Сохранение высокой доли офшоризации российской экономики обеспечивает поддержку неолиберальных компонентов отечественного государственного предпринимательства, препятствует экономическому росту и решению социальных проблем.

Российское государственное предпринимательство преимущественно функционировало в проциклическом режиме, особенно в условиях неблагоприятной конъюнктуры. На нисходящей фазе К-цикла политика правительства ускоряла и усиливала спад экономики в 1992–1998 гг., препятствовала росту и восстановлению в 1999–2008 гг., стимулировала рецессию в 2008–2015 гг.

За четверть века рыночно ориентированной государственной политики в России произошла деградация многих отраслей экономики. Разрушения, вызванные перестройкой хозяйственного механизма в 1992–1998 гг., не были восстановлены за годы роста в 1999–2008 гг. В 2009 г. начался спад, перешедший в рецессию, поскольку резервы экстенсивного роста в рамках экспортно-сырьевой модели были исчерпаны. Государственное предпринимательство в современной России обострило и растянуло нисходящую фазу К-цикла.

Тезис о повышенной военно-политической и социально-экономической напряженности в периоды переломных точек долгосрочных циклов конъюнктуры подтверждается событиями последних лет. Наложение нисходящих фаз векового цикла гегемонии и К-цикла объективно обусловило экстраординарное обострение противоречий интересов всех макроэкономических субъектов внутри национальных экономик и в международной хозяйственной системе.

Наращение конфликтности в борьбе за присвоение ренты, переход конкуренции в формы открытого противостояния в сферах производства, торговли, кредитно-денежного обращения инициировали борьбу за передел зон хозяйствования, в том числе с применением политико-экономических санкций, торговых и денежно-финансовых войн, прямых военных действий.

Возросшую агрессивность США С. Ю. Глазьев объясняет стремлением при помощи военного кейнсианства сохранить глобальное доминирование и преодолеть последствия понижательных фаз долгосрочных циклов. Направляя на нужды милитаризации 37 % мировых военных расходов, США пытаются продлить долларовую экспансию, усиливают военно-политическое давление на конкурентов посредством глобальной сети военных баз, информационного мониторинга, электронной разведки. Для сбрасывания нарастаю-

шего бремени устаревших инвестиций, гигантских финансовых пирамид частных и государственных обязательств они объективно заинтересованы в мировой войне [1].

Либеральная идеология США, по утверждению экономиста, отрицает целесообразность наращивания расходов бюджета на развитие инфраструктуры, образования, здравоохранения, фундаментальной науки и на социальную помощь незащищенным слоям населения, но поощряет государственный аппарат увеличивать расходы на реализацию интересов крупного бизнеса, на нужды обороны. Используя государственный спрос для стимулирования роста нового ТУ, деловые круги прибегают к эскалации военно-политической напряженности, подталкивая правительство к расширению закупок современной военной техники [1].

Усиление военно-промышленного фактора в современной экономике говорит о создании предпосылок перехода к восходящей фазе К-цикла. Е. М. Примаков указывал, что развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК) может быть источником экономического роста, поскольку гонка вооружений ныне заменяется гонкой технологий. В России в военных отраслях сосредоточен солидный интеллектуальный потенциал, который нуждается в инновационной, финансовой и организационной подпитке. В 2013 г. военные расходы России были в 8,5 раза меньше, чем в США (582,4 млрд долл.), в два раза меньше, чем в Китае, сопоставимы с затратами Великобритании, Японии, Франции [15, с. 84, 85].

На принятую правительством России государственную программу вооружений в 2011–2020 гг. предусматриваются ассигнования 20 трлн руб., из которых 10 % планируется израсходовать на НИОКР, 80 % – на закупку новых вооружений, 10 % – на ремонт военной техники. Доля расходов на национальную оборону по отношению к ВВП в 2012 г. составила 3 %, в 2013 г. – 3,2 %, в 2014 г. – 3,4 %. Финансирование в 2015 г. составит 4,2 % к ВВП, в 2016 г. – 3,7 %, в 2017 г. – 3,6 %. Наблюдается рост нагрузки оборонных расходов на бюджет. В 2014 г. на национальную оборону было выделено 2,474 трлн руб. (17,6 % общих расходов федерального бюджета), в 2015 г. запланировано 3,286 трлн руб. (21,2 %), в 2016 г. – 3,113 трлн руб. (19,7 %), в 2017 г. – 3,237 трлн руб. (20 %) [16].

Государственную программу перевооружения российской армии можно рассматривать как долгосрочный мегапроект, типичный для восходящей фазы К-цикла. Реализация стратегических проектов предполагает разноплановое участие в них государственного предпринимательства: финансирование, создание и предоставление транспортной, коммуникационной, ресурсно-сырьевой, научно-технической, кадрово-образовательной инфраструктуры, производство товаров и услуг. Крупные компании, имея больше возможностей для инвестиций, способны осуществлять мегапроекты, особенно инфраструктурные, инициировать экономический рост [15, с. 65, 66].

К сожалению, позитивные моменты военного кейнсианства – развитие ОПК и укрепление вооруженных сил России – пока не компенсируют продолжающегося под воздействием государственной политики разрушения гражданского сектора производства, не связанного с сырьевым и военным экспортом. Происходит утрата отечественного социального кейнсианства:

сокращаются расходы бюджета на развитие инфраструктуры, фундаментальной науки, образования, здравоохранения, культуры, на социальную помощь незащищенным слоям населения.

Список литературы

1. Глазьев, С. Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии / С. Ю. Глазьев. – URL: <http://glazev.ru/upload/iblock/36e/36e7f951026a2c71de9fc7250a77459b.doc> (дата обращения: 30.10.2014).
2. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М. : ВладДар, 1993. – 310 с.
3. Черемисинов, Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований. Часть 1 / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. – 348 с.
4. Арриги, Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Дж. Арриги. – М. : Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
5. Бреннер, Р. Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005 / Р. Бреннер – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 552 с.
6. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.
7. Арриги, Дж. Долгий XX век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. – М. : Территория будущего, 2006. – 472 с.
8. Бродель, Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII в. : в 3 т. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1992. – Т. 3. – 678 с.
9. Черемисинов, Г. А. Парадигма директивно-плановой экономики: российский опыт хозяйственных преобразований. Часть 2 / Г. А. Черемисинов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. – 460 с.
10. Айвазов, А. Николай Кондратьев как «зеркало» кризиса / А. Айвазов, А. Кобяков // Авторский сайт А. Э. Айвазова. – URL: <http://ajvazov.ru/articles/nikolaj-kondratev-kak-zerkalo-krizisa.html> (дата обращения: 24.08.2015).
11. Бардаева, П. С. Влияние процентной ставки на динамику структуры активов и пассивов коммерческих банков / П. С. Бардаева // Экономические науки. – 2009. – № 5. – С. 247–252.
12. Кондратьев, Н. Д. Проблемы экономической динамики / Н. Д. Кондратьев. – М. : Экономика, 1989. – 526 с.
13. Черемисинов, Г. А. Государственное предпринимательство как типологический признак развития экономики России: теоретико-методологический аспект / Г. А. Черемисинов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 7, вып. 1. – С. 31–44.
14. Загорюлько, М. М. Наркомземовские концессии: сельское хозяйство и водные промыслы / М. М. Загорюлько, В. В. Булатов. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2010. – 480 с.
15. Примаков, Е. М. Россия. Надежды и тревоги / Е. М. Примаков. – М. : Центрполиграф, 2015. – 224 с.
16. Расходы на оборону в 2015 году будут увеличены на треть // Русское агентство новостей. – URL: <http://ru-an.info/новости/расходы-на-оборону-россии-в-2015-году-будут-увеличены-на-треть/> (дата обращения: 20.08.2015).

References

1. Glaz'ev S. Yu. *O vneshnikh i vnutrennikh ugrozakh ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh amerikanskoj agressii* [On external and internal threats to economic security of Russia in conditions of American aggression]. Available at: <http://glazev.ru/upload/iblock/36e/36e7f951026a2c71de9fc7250a77459b.doc> (accessed 30.10.2014).

2. Glaz'ev S. Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of long-term technical and economic development]. Moscow: VlaDar, 1993, 310 p.
3. Cheremisinov G. A. *Paradigma direktivno-planovoy ekonomiki: rossiyskiy opyt khozyaystvennykh preobrazovaniy. Chast' 1* [The paradigm of directive-planned economy: Russian experience of economic transformations. Part 1]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2012, 348 p.
4. Arrigi Dzh. *Adam Smit v Pekine: Chto poluchil v nasledstvo XXI vek* [Adam Smith in Beijing: What has the XXI century inherited]. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 2009, 456 p.
5. Brenner R. *Ekonomika global'noy turbulentnosti: razvitye kapitalisticheskie ekonomiki v period ot dolgogo buma do dolgogo spada, 1945–2005* [The economy of global turbulence: development of capitalistic economy in the period between the long boom and the long recession, 1945–2005]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014, 552 p.
6. Vallersteyn I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the contemporary world situation]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001, 416 p.
7. Arrigi Dzh. *Dolgiy XX vek: Den'gi, vlast' i istoki nashogo vremeni* [Long XX century: Money, power and origins of our times]. Moscow: Territoriya budushchego, 2006, 472 p.
8. Brodel' F. *Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII v.: v 3 t.* [The time of peace. Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries: in 3 volumes]. Moscow: Progress, 1992, vol. 3, 678 p.
9. Cheremisinov G. A. *Paradigma direktivno-planovoy ekonomiki: rossiyskiy opyt khozyaystvennykh preobrazovaniy. Chast' 2* [The paradigm of directive-planned economy: Russian experience of economic transformations. Part 2]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2012, 460 p.
10. Ayvazov A., Kobayakov A. *Avtorskiy sayt A. E. Ayvazova* [Author's website of A. E. Ayvazov] Available at: <http://ajvazov.ru/articles/nikolaj-kondratev-kak-zerkalo-krizisa.html> (accessed 24.08.2015).
11. Bardaeva P. S. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2009, no. 5, pp. 247–252.
12. Kondrat'ev N. D. *Problemy ekonomicheskoy dinamiki* [Problems of economic dynamics]. Moscow: Ekonomika, 1989, 526 p.
13. Cheremisinov G. A. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Economics, Management, Law]. 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 31–44.
14. Zagorul'ko M. M., Bulatov V. V. *Narkomzemovskie kontsessii: sel'skoe khozyaystvo i vodnye promysly* [Narkomzemovsky concessions: agriculture and water industries]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2010, 480 p.
15. Primakov E. M. *Rossiya. Nadezhdy i trevogi* [Russia. Hopes and anxiety]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2015, 224 p.
16. *Russkoe agentstvo novostey* [Russian news agency]. Available at: <http://ru-an.info/novosti/raskhody-na-oboronu-rossii-v-2015-godu-budut-uvlicheny-na-tret/> (accessed 20.08.2015).

Черемисинов Георгий Александрович
доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и национальной экономики, Саратовский
национальный исследовательский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

Cheremisinov Georgy Aleksandrovich
Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics and national
economy, Saratov National Research
State University named after
N. G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

E-mail: Cheremisinov@inbox.ru

Пугачев Илья Олегович

ассистент, кафедра туризма и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: ilya_ov@mail.ru

Pugachyov Ilya Olegovich

Assistant, sub-department of tourism and cultural heritage, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky (83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

УДК 330.33.01 : 338.245.2 : 339.9

Черемисинов, Г. А.

Военное кейнсианство в концепциях долгосрочных экономических циклов / Г. А. Черемисинов, И. О. Пугачев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 176–191. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-3-17